

С. Г. Яронъ.

Воспоминанія

О

441
ТЕАТРЪ

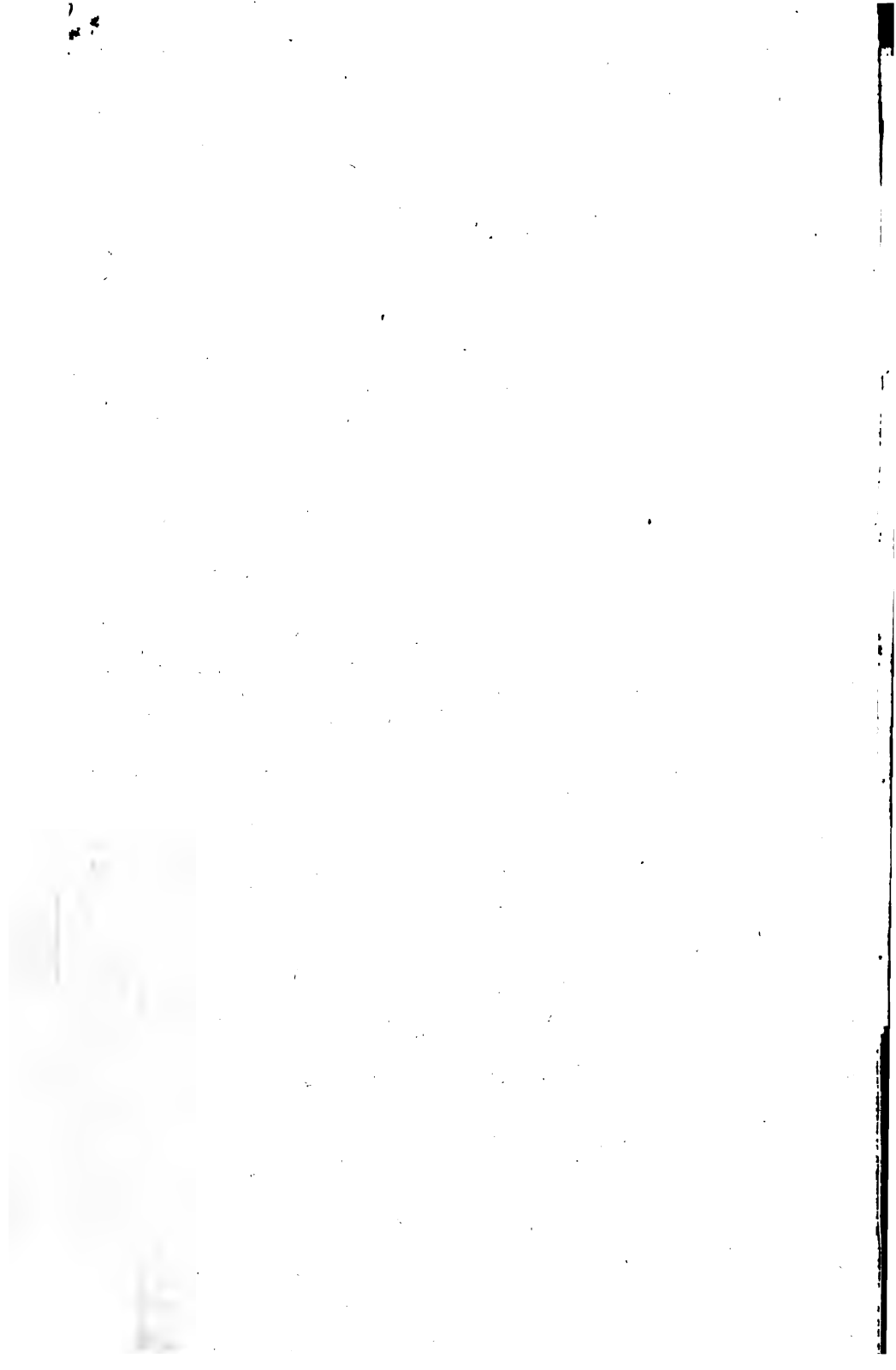
(1867 г.—1897 г.)

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., д. № 22.

1898.

Воспоминанія

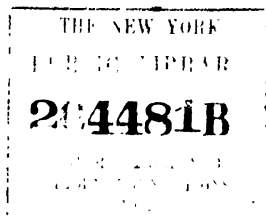
О

ТЕАТРЪ

(1867 г.—1897 г.).

С. Ярона.

* 52 K
Yaron

Дозволено цензурою. Київъ, 31-го января 1898 г.

Посвящается

Николаю Николаевичу

Соловцову

(Федорову).

A. Horvitch 11 Sept. 1942

СОДЕРЖАНІЕ.

Одесса	1867—1872 г.
Курскъ	1872—1875 г.
Харьковъ	1875—1879 г.
Одесса	1879—1880 г.
Кіевъ	1880—1892 г.
Одесса	1892—1894 г.
Кіевъ	1894—1897 г.

Вмѣсто предисловія.

I

Любовь къ театру развилась во мнѣ въ весьма раннемъ возрастѣ. Воспитывался я въ г. Одессѣ, во второй гимназіи, гдѣ товарищами моими были А. Деранковъ (впослѣдствіи по сценѣ Масловъ), В. Ашкенази (по сценѣ Степановъ, нынѣ артистъ Императорскихъ театровъ), Біязи (по сценѣ Андреевъ-Біязи), братъ мой М. Яронъ (по сценѣ Горскій) и друг. Благодаря хорошимъ отношеніямъ къ упомянутымъ товарищамъ, постоянно твердившимъ о театрѣ, заявлявшимъ, что они, при первой возможности, поступятъ на сцену (что они и сдѣлали), и я сталъ мечтать о сценѣ. Мечты остались, впрочемъ, мечтами, но попавъ какъ-то разъ на галерею въ городскомъ театрѣ (мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ) я до того увлекся, что сталъ изыскивать всевозможные способы чаще ходить въ театръ; какъ сейчасъ помню кассира галереи Соколова, къ протекціи котораго прибѣгали многіе гимназисты и я въ томъ числѣ. Положимъ, протекція эта состояла въ томъ, что насъ пропускали будто-бы бесплатно, но все-же на другое утро дома мы не досчитывались той или другой книжонки! Какъ ни ограничены были мои денежные ресурсы—я получалъ ежедневно три копѣйки на завтракъ,—но эти ресурсы также давали мнѣ возможность разъ въ недѣлю ходить въ театръ; ради театра я отказался отъ завтраковъ; какіе-бы я въ то время ни получалъ подарки отъ родныхъ или знакомыхъ—я тотчасъ-же все превращалъ въ наличныя деньги,

а деньги въ театральные билеты. Хотя въ гимназiи я учился недурно, но все-же я могъ гораздо лучше и съ большимъ увлеченiемъ передавать эпизоды изъ жизни Фабiанской, Андреевой, Никитина, Виноградова и др., чѣмъ изъ жизни Перикла и Сократа. Я зналъ безошибочно какую изъ ролей исполнять каждый изъ артистовъ въ любой пьесѣ, чего не могъ скизать относительно названiй и именъ по географiи и исторiи. Увлеченiе мое театромъ дошло до того, что когда товарищи мои затѣяли любительскiе спектакли я, совершенно забывъ о гимназiи, проводилъ цѣлые дни на репетицiяхъ и счастью моему не было предѣловъ, когда мнѣ поручали какую-нибудь выходную роль въ два слова или предлагали суфлировать. Въ этихъ любительскихъ спектакляхъ особенно выдѣлялись Бiязи и Деранковъ. Боже, какъ я завидовалъ ихъ успѣхамъ. Кстати, эти успѣхи вскружили имъ головы до того, что они оставили гимназiю и окончательно посвятили себя сценѣ. То-же сдѣлали братья Ашкенази (Степановъ и Лавровъ) и Евгенiй Недѣльскiй (Недѣлинъ, нынѣ одинъ изъ выдающихся провинциальныхъ артистовъ)*). Выдавался еще замѣчательнымъ талантомъ и Н. В. Самофаловъ, но онъ сценой не увлекся до того, чтобы бросить науку, и окончилъ университетъ**). Изъ университетскихъ товарищей, посвятившихъ себя сценѣ, укажу еще на Чужбинова (извѣстнаго въ провинци артиста, умершаго въ Кiевѣ 8 августа 1897 г.) и Лелева (Вучетича), нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшагося въ Одессѣ въ крайней нуждѣ. Частыя посѣщенiя театра и постоянное общенiе съ артистами, товарищами по гимназiи, повели къ тому, что я сталъ знакомиться съ закулиснымъ миромъ и уже гимназистомъ 7-го класса я былъ въ театрѣ „свой“; я получилъ право входа за кулисы, сталъ бывать на дому у артистовъ и, наконецъ, рѣшилъ попытать свои силы въ качествѣ любителя-рецензента. Это было въ 1868 году. Никогдз не забуду своей первой рецензiи о г-жѣ Ю. И. Лавровой,

*) Въ своемъ мѣстѣ я о Недѣлинѣ поговорю подробно.

**) Въ настоящее время занимаетъ должность управляющаго Кiевской Казенной Палатой.

замѣчательной въ то время водевильной актрисѣ (впослѣдствіи она перешла на роли *ingenue dramatique*). Хотя замѣтка моя, написанная на двухъ страницахъ, и была сокращена до неузнаваемости (въ печати появилось строкъ двадцать), но все-же эта первая моя замѣтка, удостоившаяся печати, заставила меня серьезно отнестись къ дѣлу и я предложилъ свои услуги въ качествѣ рецензента редактору „Одесскаго Вѣстника“ Н. П. Сокальскому. Предложеніе мое было принято, но я исписалъ еще не одинъ листъ бумаги, пока за мной наконецъ было признано право писать рецензіи. Впослѣдствіи я перешелъ въ „Новороссійскія Вѣдомости“ издававшіяся г. Гросулумъ-Толстымъ, а когда эта газета прекратила свое существованіе, — я вновь вернулся въ „Одесскій Вѣстникъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ мной написана первая рецензія, прошло почти тридцать лѣтъ; во все это время, за небольшими перерывами, я продолжалъ писать о театрѣ, проживая въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, и потому не удивительно, что у меня накопилось много воспоминаній о театрѣ. Эти-то воспоминанія я и рѣшилъ напечатать.

Заканчивая предисловіе, считаю необходимымъ оговориться: если гг. артисты встрѣтятъ ошибки въ хронологіи, да простятъ они мнѣ этотъ грѣхъ; въ особенности прошу прощенья у артистокъ; иной ошибочно мною помѣченный годъ можетъ вызвать цѣлую бурю негодованія и совершенно справедливо: отъ неправильнаго „лѣтосчисленія“ можно прійти къ невѣрному выводу о возрастѣ той или иной артистки, а у меня вовсе нѣтъ цѣли задѣвать ихъ больное мѣсто. А вотъ и фактъ: мѣсяцевъ пять тому назадъ, когда я приступалъ къ составленію этихъ записокъ, я встрѣтился съ одной драматической артисткой, съ которой познакомился въ 1880-мъ году. Заговорили о прошломъ и я напомнилъ артисткѣ, что познакомился съ ней у Н. К. Милославскаго въ Одессѣ. Артистка вспыхнула, заявила мнѣ, что это неправда, что я ошибаюсь и т. д. Я сконфузился, хотѣлъ сказать, что это было не въ 1880 г., а въ 1890 г., но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ Милославскій въ 1882 г. уже былъ покойникомъ. Я промолчалъ. Спустя нѣсколько минутъ артистка отвела меня

въ сторону и сообщила, что ей „теперь 29 лѣтъ“, а такъ какъ по этому счету въ 1880 г. ей было всего 12 лѣтъ, то потому я и долженъ быть осторожнѣе при постороннихъ и, вспоминая о прошломъ, никогда не упоминать въ какомъ году что было. Въ силу этого замѣчанія, много полученнаго, я еще болѣе убѣдился въ необходимости извиниться въ „невольныхъ“ промахахъ по части хронологіи.

II.

Одесса.

Антрепренеромъ Одесскаго городского театра, сгорѣвшаго въ 1872 году, съ незапамятныхъ временъ былъ итальянецъ Иванъ Карпычъ Филетти и, не смотря на то, никогда русская драма въ Одессѣ такъ не процвѣтала, какъ при немъ. Все, что было выдающагося въ провинціи, всегда приглашалось въ Одессу; нѣтъ такого выдающагося артиста или артистки періода 1867—72 г., которые не подвизались-бы въ Одессѣ. И странное дѣло, антрепренеръ не только не терпѣлъ убытковъ, формируя ежегодно выдающіеся драматическія труппы, но чистой прибылью, получавшейся отъ драмы, покрывалъ убытки, получавшіеся отъ итальянской оперы. Надо замѣтить, что городской театръ былъ до того малъ, что полный сборъ едва достигалъ 900 руб.; если къ этому добавить, что и цѣны мѣстамъ были крайне не велики, такъ, въ спектакли русской драмы кресло 1-го ряда стоило 1 р. 25 к. а 2-го 1 рубль, то пожалуй покажется непонятнымъ значительная прибыль, получавшаяся отъ русской драмы. А объясняется это весьма просто: незначительными окладами артистовъ. О тысячныхъ окладахъ понятія не имѣли: Н. К. Милославскій получалъ 400 или 450 руб., семейство Новикова, состоявшее изъ 6 лицъ (Н. И. Новиковъ, его жена, сестра Лаврова съ мужемъ, сестра Шелихова и старуха-мать) 800 руб. и пр. Русская драма играла три раза въ недѣлю, а итальянская опера—четыре. И вотъ 12—13 спектаклей въ мѣсяцъ давали такіе барыши, что ими покрывались убытки итальянской оперы. Одесситовъ упрекаютъ въ пристрастіи къ итальян-

янской оперѣ; по моему мнѣнію, это невѣрно: и русская драма, и русская опера всегда приносили большіе барыши, но подѣ однимъ условіемъ: чтобы составъ труппы былъ хорошъ, кое-какая русская драма или опера въ Одессѣ ничего не сдѣлаютъ; драма періода 60-хъ начала 70-хъ годовъ, да и русская опера того времени давали всегда почти полные сборы. Сборъ въ 700 р., при полномъ сборѣ въ 900 р., считался рѣдкостью въ мое время; билетами на драматическіе спектакли приходилось запасаться за нѣсколько дней. Что касатся бенефисовъ, то о нихъ анонсировалось обыкновенно за недѣлю и бенефицианты продавали билеты на дому или въ буфетѣ театра, а въ кассу очень рѣдко попадали билеты. На бенефисные спектакли въ два—три дня публика разбирала всѣ билеты, причемъ въ рѣдкихъ случаяхъ не платили любимцамъ вдвое или даже втрое противъ позначенной цѣны. Не любимцы обыкновенно прибѣгали къ рекламѣ, выпуская огромныя разноцвѣтныя афиши, дѣля пьесу на массу картинъ и измышляя для каждой картины страшныя названія. Особенно отличались по этой части актеры Надеждинъ и Кастровскій. Последний, какъ сейчасъ помню, поставилъ въ свой бенефисъ «Доля-горе», объявивъ, что на постановку пьесы потрачено до 2-хъ тысячъ рублей и что на сценѣ будутъ корабли, пароходы, масса живой рыбы и т. д. Объявленіе о затратѣ 2-хъ тыс. руб. сдѣлало свое дѣло: въ то время 2 тыс. руб. значило больше, чѣмъ теперь 10 т. руб. о которыхъ объявляется при постановкѣ новыхъ пьесъ. Кастровскій взялъ валового сбора больше 4-хъ т. рублей. Конечно, пароходы на сцену не попали, а мирно стояли въ Одесской бухтѣ, но Кастровскій получилъ за рекламу около 2-хъ т. руб. Актеръ Надеждинъ считался специалистомъ по части картинъ: поставленный имъ въ бенефисъ свой «Вѣчный жидъ» былъ раздѣленъ на двадцать слишкомъ картинъ. Имѣя массу долговъ и насчитывая въ числѣ своихъ кредиторовъ чуть не половину одесскихъ ростовщиковъ, онъ всегда откладывалъ уплату долговъ до своего бенефиса. Пока въ буфетѣ производилась имъ продажа билетовъ—онъ долговъ не платилъ, доказывая, что деньги принадлежатъ антрепренеру до конца спектакля, а послѣ спек-

Долженъ замѣтить, что свою входную арію, какъ это требуется по ходу оперы, артистка спѣла подѣ маской. Когда, послѣ исполненія этой аріи, Понти-дель-Арми сняла маску— зрители увидѣли передъ собой крайне некрасивую особу, но впечатлѣніе, произведенное голосомъ артистки, было такъ сильно, что на наружность и не обратили вниманія. Антрепренера Фоллетти со всѣхъ сторонъ поздравляли съ столь цѣннымъ приобрѣтеніемъ и пѣвицу до того полюбили, что всѣ спектакли съ ея участіемъ давали полные сборы, а въ бенефисъ ей платили за ложи и кресла бѣшенныя деньги и поднесли по подпискѣ брилліантовую діадему въ нѣсколько тысячъ! И артистка стояла этихъ подношеній и овацій! Такъ прошло два сезона, а когда Фоллетти пригласилъ г-жу Понти-дель-Арми на третій сезонъ, то по городу стали распространяться слухи, что золотая молодежь не желаетъ болѣе слушать эту артистку, что она надоѣла. ибо очень некрасива, и если Фоллетти не пригласитъ на ея мѣсто болѣе молодую и красивую, то будетъ скандалъ. Слухи эти дошли до администраціи, которая съ своей стороны приняла мѣры предотвратить скандалъ, но это ей не удалось. Въ вечеръ перваго выхода г-жи Понти-дель-Арми (въ «Гугенотахъ») театръ былъ переполненъ, а на театральной площади, въ ожиданіи скандала, собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Первый актъ прошелъ спокойно, а когда во второмъ актѣ появилась Понти-дель-Арми (Валентина), ее встрѣтили оглушительными свистками. Какъ будто весь театръ аплодировалъ, но рѣзкіе свистки раздавались со всѣхъ сторонъ. Оказалось, что золотая молодежь, состоявшая главнымъ образомъ изъ грековъ и итальянцевъ, пригласила съ собой матросовъ и уложила ихъ въ ложахъ, приказавъ свистать въ то время, какъ сама она, выдвигаясь впередъ, неистово аплодировала. Полиція, въ поискахъ за нарушителями порядка, выбивалась изъ силъ, но никого не находила. Такъ продолжалось съ четверть часа, занавѣсъ опустили: при вторичномъ поднятіи занавѣса, повторилось то-же самое и наконецъ режиссеръ объявилъ со сцены, что спектакль продолжаться не можетъ, а что Понти-дель-Арми отказалась служить въ Одессѣ. И дѣйствительно, на

другой день она выѣхала въ Ростовъ на Дону, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, имѣла въ продолженіи сезона колоссальный успѣхъ. И вотъ капризъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ лишилъ одесситовъ возможности слушать выдающуюся пѣвицу потому только, что она некрасива». Этотъ вечеръ мнѣ памятенъ еще потому, что полиціей было арестовано нѣсколько матросовъ, явившихся въ театръ съ ножами и заявившихъ, при арестѣ, что если-бы скандалъ не былъ прекращенъ распоряженіемъ администраціи, они пустили-бы въ ходъ и ножи, такъ какъ подъ этимъ условіемъ ихъ и принимали.

Какъ курьезъ расскажу и слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ этотъ же вечеръ на галлерей. Какой-то еврей, сильно кричавшій «Понти», до того надоѣлъ своему сосѣду, что тотъ уоарилъ его тѣмъ-то по губамъ: еврей, замѣтивъ послѣ удара, что по губамъ его и подбородку течетъ какая-то красная жидкость, съ испугу закричалъ «кровь! кровь!» Явилась полиція, но оказалось, что это была вовсе не кровь, а что сосѣдъ, которому надоѣлъ крикъ еврея, ударилъ его помидоромъ по губамъ! Когда, спустя недѣлю послѣ этого вечера, назначили вновь «Гугеноты», многіе изъ евреевъ отказались идти въ театръ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ Одессѣ «Гугеноты» даются не въ четырехъ актахъ, какъ вездѣ, а только въ одномъ.

Перехожу къ составу драматическихъ труппъ того времени. За короткое время перебивали въ Одессѣ Фабіанская, Андреева (Чарская), Лукашевичъ, Стрѣлкова, Ольга Козловская, Ф. Козловская, Н. И. Степанова, О. Н. Воронина, М. И. Соколова, Ю. И. Лаврова, Н. К. Милославскій, П. А. Никитинъ, Н. Х. Рыбаковъ, М. Л. Крапивницкій, Н. И. Новиковъ К. Ф. Бергъ, П. Г. Протасовъ, Арди, В. В. Чарскій. П. Н. Николаевъ, Н. П. Новиковъ-Ивановъ, Л. Н. Самсоновъ, Много-ли изъ нихъ осталось теперь въ живыхъ? Да почти никого! Андреева (Чарская) содержится теперь въ убѣжищѣ, имена двухъ-трехъ еще живущихъ забыты для сцены, а большинство покоится тамъ, гдѣ «нѣсть ни болѣзни, ни печалей, ни воздыханій». Недавно я былъ въ Одессѣ и случайно на

кладбищѣ наткнулся на могилу Н. К. Милославскаго, умершаго въ 1882 г., а рядомъ на могилу О. Н. Ворониной, которая провела съ нимъ послѣдніе годы своей жизни и умершей за два года до него. Видѣ этихъ заброшенныхъ могилъ меня поразили! И это могила Милославскаго, этого гениальнаго артиста, доставлявшаго одесситамъ въ теченіи многихъ лѣтъ столько чудныхъ минутъ эстетическаго наслажденія своей высоко-художественной игрой? А могила Самсонова, похороненнаго въ Кіевѣ на Байковомъ кладбищѣ? гдѣ она? Гдѣ могила этого вѣчнаго борца за меньшую актерскую братію, артиста-писателя, всю жизнь ратовавшаго за созданіе правильно организованныхъ товариществъ драматическихъ артистовъ? Могила эта давно уже заросла и не найти къ ней больше дороги! А могила П. А. Никитина, тоже похороненнаго въ Кіевѣ на Байковомъ кладбищѣ? гдѣ она? Да простятъ мнѣ это небольшое отступленіе, оно явилось помимо моей воли!

Сезонъ 1868 года былъ однимъ изъ выдающихся по составу драматической труппы. Изъ дебютировавшихъ впервые артистовъ особенное вниманіе обратилъ на себя В. В. Чарскій, выступившій въ роли Жадова («Доходное мѣсто»). Въ первыхъ двухъ актахъ артистъ ничѣмъ не выдѣлялся, но въ третьемъ актѣ (въ трактирѣ) г. Чарскій имѣлъ значительный успѣхъ, который, чѣмъ дальше, шелъ crescendo, а по окончаніи спектакля дебютантъ уже былъ предметомъ шумныхъ овацій. Не прошло и двухъ недѣль какъ г. Чарскій сталъ любимцемъ публики. Особенно полюбили г. Чарскаго студенты Новороссійскаго университета, а когда они узнали, что артистъ, до посвященія себя сценѣ, былъ студентомъ Кіевскаго университета, любовь эта уже не имѣла границъ: Чарскій сталъ кумиромъ молодежи, но... ненадолго. Случилось одно обстоятельство, сразу оттолкнувшее отъ артиста всѣхъ его юныхъ поклонниковъ. Назначенъ былъ бенефисъ Чарскаго. Для своихъ артистическихъ именинъ онъ выбралъ пьесу Манна «Говоруны». Хотя студенты, узнавъ объ этомъ выборѣ, и просили артиста переменить пьесу, такъ какъ «Говоруны» — сплошной поклепъ на русскую молодежь, но бенефициантъ просьбы не исполнилъ. Наступилъ день спектакля. Всѣ ложи второго яруса (каждая

ложки дѣлились на шесть мѣстъ—купоновъ) были заняты студентами, не мало было ихъ и на галлерей. По окончаніи перваго акта изъ ложъ и галлерей послышались свистки и крики: «долой пьесу!» «Вонъ режиссера! вонъ Чарскаго!» Шумъ поднялся неимоверный, явилась полиція, стала увѣщевать, но ни что не помогало: крики не умолкали! На сцену вышелъ режиссеръ г. Н. И. Новиковъ, котораго встрѣтили пронзительными свистками. Г. Новиковъ неоднократно порывался кое-что сказать, но за шумомъ, криками и свистками ничего нельзя было разобрать. Наконецъ кто-то изъ студентовъ крикнулъ «тише! Дайте ему объясниться!» Водворилась тишина. Г. Новиковъ заявилъ, что онъ отъ режиссерства уже третій день какъ отказался, да если-бы и былъ еще режиссеромъ, то все-же выборъ пьесы зависѣлъ не отъ него, а отъ бенефицианта. Заявленіе Новикова было встрѣчено аплодисментами. передъ нимъ стали извиняться въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ и съ еще большей настойчивостью стали требовать выхода г. Чарскаго. Артистъ не выходилъ. Въмѣсто него появился г. Надеждинъ и объявивъ, что онъ режиссеръ, обратился къ первымъ рядамъ креселъ съ слѣдующей (помню ее дословно) фразой: «я обращаюсь къ образованной части публики, а не къ тѣмъ наверху сидящимъ,—желаетъ она слушать продолженіе пьесы»? Польщенные такой фразой, рядники отвѣтили: «желаемъ», «желаемъ»!, но что кричали верхи—я и передать не могу. По адресу Надеждина посыпались такіе эпитеты, что онъ быстро скрылся за занавѣсъ; крики: «долой пьесу! вонъ Чарскаго! вонъ Надеждина!» дошли до того, что о происшествіи въ театрѣ вынуждены были сообщить градоначальнику г. Бухарину. Но и его присутствіе не помогло: молодежь не унималась. Когда неоднократныя просьбы прекратить скандалъ ни къ чему не повели, г. градоначальникъ распорядился арестовать временно всѣхъ бывшихъ въ театрѣ студентовъ и записать ихъ адреса. Но и это не помогло: пьеса дальше перваго акта не пошла и была замѣнена какими-то водевилями. Прошло дней пять или шесть. Въ университетъ стали доходить слухи о вторичной постановкѣ «Говоруновъ» по распоряженію высшей администраціи края. Слухи оказались